

Языческая мифология славян является одной из составляющих культурного наследия русского народа, и она не могла не получить отражения в произведениях классиков и писателей современности. Ни в одном историческом/литературном памятнике нельзя найти отношение самой женщины к своему положению традиционной прекрасной, мудрой, но незаметной девы, или к положению воеводицы, богатырши. Все возможные проявления женской судьбы всегда показаны через отношение мужчины, с его положения. Мария Семенова дает возможность предположить, что чувствует девушка, которая в состоянии менять судьбы других, но вынужденная за собственную судьбу «ратиться против всех в одиночку» и «с боя брать то, что другим дается в подарок».

Литература

1. Чулков М. Д. Пересмешник, или Словенские сказки. М., 1766 – 68.
2. Семенова М. Валькирия. М.; СПб., 2003.
3. Семенова М. Викинги: Сб. М.; СПб., 2003.
4. Семенова М. Волкодав. М.; СПб., 2004.
5. Семенова М. Поединок со змеем: Мифологический роман. СПб: 2004 .
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб, 2002.
7. Клещенко Елена. Легенды вырастают из травы. Заметки о прозе Марии Семеновой. – Интернет-журнал «Белый тезис», 1997.
8. Русские народные сказки. Т. I. / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. О. Ю. Алексеева. М., 1987.
9. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / Пер. с англ. – К., М., 2001.

М. Гафурова
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
М.Э. Рум

НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТИПЫ НОМИНАТИВНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ)

Слово сочетает в себе основную «предметную» и «сопутствующую» информацию, т. е. сведения о субъекте, его использующем. Богатство мысли – это не столько то, что уже сформулировано, но «обширность того имплицитного содержания, которое “тянет” за собой из бытия данное эксплицитное содержание» [4:148]. Иными словами, из объективного факта (в нашем случае – слова) можно извлечь сведения о субъекте, сознательно или бессознательно оставляющем сообщение о себе в каждый момент лингвистической деятельности.

Для подобной реконструкции богатейшим материалом являются номинативные единицы, полученные в результате лингвистического эксперимента, моделирующего номинативную ситуацию. Называемый объект обладает определенным набором признаков, но в силу дискретного характера мышления не все они находят отражение в получаемой единице: «Направленное познание способно зафиксировать один из признаков объекта, необходимый для реализации целей, установки человека на каждый

конкретный момент. Название объекта, его именование не есть поэтому обозначение одновременно всех его свойств» [3:74-75]. Выбор признака определяется опытом, личностными качествами, психологическими характеристиками номинатора. Таким образом, анализируя массив номинативных единиц, мы получаем сведения об их создателе. Конструктивной реакцией на процесс такого прочитывания информации о субъекте является создание типологии номинативных личностей.

Для получения номинативного материала был проведен ономастологический эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагались для номинации 40 объектов различного типа (пуговицы, сухоцветы, болты и гайки, различные вместилища и т. п.). Отбор номинатов предполагал самостоятельный выбор какого-либо признака (форма, цвет, запах, звучание, материал, функция и т. п.). Были представлены объекты, как «провоцирующие» направление номинации (например, пуговица в виде клубники, часов, герба), так и нейтральные, благодаря чему была возможность наблюдать, следует ли участник типовым моделям или способен на проявление творческих способностей при номинации. Не исключалось использование предметов, имеющих узуальное название (*лавровый лист, шиповник, звездика, перец*).

В эксперименте приняли участие 20 испытуемых, в результате получена 831 номинативная единица (учитывались все номинативные варианты).

Материал проанализирован по трем параметрам, характеризующим позицию субъекта номинации: отношение к номинату, к миру в целом и к языку. В результате намечена сетка микротипологических характеристик представленных личностей¹. Описывая всех испытуемых по данным позициям, мы получили возможность определить типовые соответствия, т. е. перейти к следующему классификационному уровню, к макротипам номинативных личностей.

Материал показал, что достаточно четко локализуется оппозиция двух основных групп номинаторов, которых можно охарактеризовать как представителей *фабульного* (Ф) и *сюжетного* (С) типов. Мы опираемся на понимание *фабулы* как совокупности, схемы событий, описании только внешних связей без какого-либо развития [2:421-438]. В определении сюжета важно, что это живая, развивающаяся последовательность действий и отношений. Это художественное построение, распределение событий, учитывающее внутренние и внешние связи между событиями [см.: Там же].

Опишем полученные макротипы на примере их наиболее ярких представителей.

Фабульный номинативный тип

По отношению к номинату Ф-тип использует видимые, визуальные качества, приоритетным для него является наблюдение, а не контакт с предметом. Форма становится наиболее частотной характеристикой, по которой дают название предмету: *звездочка, шестигранник, пирамидка, цилиндр* и др. Другими мотивировочными визуальными признаками являются: изображение на предмете – *звезда, лев*; цвет – *красное и белое, фуксия*; размер – *лилипут, малютка*; количество – *три богатыря* (существительное, на наш взгляд, здесь не мотивировано признаками предмета, а «притяннуто» числительным). Номинатор избегает указания на возможные функции предметов, не склонен оценивать и запечатлевать свое мнение в лексемах о характере поверхности объекта.

Можно утверждать, что представитель данного типа преимущественно создает однопризнаковые номинации (их 36 из 42). В тех случаях, когда мотивировочным становится комплекс признаков, выделяется и сочетается не более двух характеристик: форма + изображение – *амфора* (благодаря наличию узоров); форма + цвет –

¹ Подробно об этом см. [1].

подберезовик (по цвету круглой крышки шляпки); форма + количество: *заячьи уши*; и др.

Для представителя данного типа характерно непосредственное запечатление в названии выделяемого признака. Прямо отражены в номинации следующие признаки: изображение – *звезда, лев, герб*; форма – *шестигранник, цилиндр*. Непростой задачей оказывается отвлечение от констатации типа объекта номинации: большинство номинатов вместилищ обозначаются номинациями, связанными с идеей сосуда – *сундук, кувшин, амфора, коробочка, флакон*. Таким образом, либо прямо называется одно из качеств предмета, либо предлагается закрепленное узуальное наименование.

Наличеству и небольшое количество названий первой степени опосредованности. Например, по какому-либо признаку номинат напоминает тот или иной предмет, по которому и получает название (ход мысли: «Это похоже на ...»): *пуля, пробка, ваза, колодец, перо* и др. Следующим шагом становится конкретизация, индивидуализация: *подберезовик* (по форме сосуд похож на гриб – какой? – цвет крышки напоминает окраску шляпки подберезовика – подберезовик), *Останкинская башня* (предмет похож на высокое строение, башню – какую? – Останкинскую).

Субъект Ф-типа характеризуется дифференцирующей когнитивной стратегией, т.е. не склонен классифицировать предлагаемые предметы. Каждый предмет воспринимается самостоятельно. Среди предлагавшихся для номинации сухоцветов присутствовали такие, которые можно было выделить как целое либо охарактеризовать как группу, систематизировать. Испытуемые обычно не используют такой возможности. Так, два коррелирующих сухоцвета получают несоотносимые названия – *гроздь* и *комоч*. Номинатор выделяет из группового предмета один и обозначает только его – *ягода*; он может основываться исключительно на принципе группировки – *три богатыря*; может представить восприятие группы предметов как множества – *камышы*. Наше предположение о типе когнитивной стратегии подтверждается и преобладанием квалификативных наименований над релятивными.

Характеризуя *отношение номинатора к миру в целом*, мы оцениваем номинативное поведение испытуемого. Представитель данного макротипа без знакомства со всем комплексом объектов номинации сразу начинает решать поставленную задачу: берет предметы по одному и после минимального контакта предлагает название. Вариантов мало. Если предлагается более одного названия предмета, то обычно они мотивированы разными признаками, при этом не являются более образными, индивидуальными, точными: *камышы / заячьи уши, столбик / пробка*. Субъект, репрезентирующий данный тип, не склонен к проявлению рефлексии, не объясняет своих мотивов.

В сложных случаях субъекты с таким типом номинативного поведения предпочитают не размышлять над возможностями преодоления затруднений, не искать наиболее подходящих лексических средств выражения, а закладывают в саму номинацию свидетельство когнитивного провала: *карактица большая, карактица маленькая* (номинатор не может иначе обозначить непонятную, странную форму предметов), *полное ничто*. Использование эллиптических сочетаний (пуговицы – *квадратная, острая, солдатская, клоунская, гербовая, эстетическая*) также свидетельствуют о возникающих трудностях, так как испытуемый уходит от прямого обозначения предмета лишь путем устранения его из словосочетания. У представителей данного типа встречаются полные и частичные повторы номинативных единиц: *зеленый кедр и кедр, граната (2 раза); декоративное украшение и элемент декора (5 раз), шпиль (2 раза)* и др. Наконец, оценивая такой параметр, как степень генерализации, мы можем отметить, что названий-гипонимов оказалось значительно меньше, чем гиперонимов, причем последние встречаются в основном именно у номинаторов данного типа: *ягода, спаряды, дерево, грибок, сосуд, элемент декора, пряность* и др.

Проанализированный параметр неразрывно связан с таким качеством, как

коммуникабельность субъекта номинации (если он не склонен идти на контакт, то и о его размышлениях о предмете, о его языковой рефлексии достаточно сложно судить). Представители данного типа воспринимают ситуацию именно как номинативный, а не коммуникативный акт, поэтому не стремятся объяснить свои мотивы, хотя обычно и выполняют просьбу о расшифровке, если таковая поступает. При этом для них наиболее приемлем краткий комментарий с добавлением: «Это и так, наверное, понятно».

Оценивая *отношение субъекта к языку*, его предпочтения в плане формального, «технического» использования языковых средств, можно утверждать, что номинатор предпочитает не отступать от номинативного стандарта, употребляя преимущественно однословные номинации-субстантивы с конкретной исходной семантикой (*плитка, бочонок, дерево, часы* и т. п.). Встречающиеся развернутые номинации также вполне узуальны (*три богатыря; заячи уши*).

Номинатор не работает над словообразовательным обликом названия, используя производные слова либо наиболее частотные в языке словообразовательные средства: представлены только уменьшительно-ласкательные форманты (*колесико, коробочка* и т. п.). Отсутствуют новообразования по существующим моделям и окказионализмы.

Таким образом, представители Ф-типа стремятся к упорядочиванию, линеаризации, рационализации. Номинаторы в первую очередь интересуются прямым отражением фактической знаковой информации, а не ее интерпретацией.

Сюжетный номинативный тип

В *отношении к номинату* как в плане селекции, так и в плане сочетания мотивировочных признаков, представители С-типа демонстрируют преобладание комплексных номинаций над простыми; появляются мотивирующие комбинации из трех и более качеств предмета. Предпочтение отдается не визуальным признакам: испытуемые или предполагают возможную функцию, или мыслят по принципу «незаконченного гештальта», т. е. каким-то образом дополняют картинку, например, пытаются «наполнить» сосуд, или обращают внимание на те качества номината, которые получают не по визуальному каналу восприятия. Испытуемый выбирает преимущественно смешанные мотивировочные комплексы, например: форма + цвет – *Феклуша* (предмет ассоциируется с растрепанной копной волос); изображение + цвет – *Петрушка* (красная крышка сосуда ассоциируется с дурацким колпаком, а изображение – с узорами на одежде ярмарочного персонажа); форма + звук – *опасность* (номинатор дает следующее объяснение предложенного названия сухоцвета: «Это как змея хвостом трясет, такой же кончик хвоста»); форма + цвет + характер поверхности – *козюли*; форма + функция + характер поверхности – *витрина*.

Данный тип отличает творческий подход к способу отражения выделенного признака (признаков). Присутствует значительное количество номинаций второй и третьей степени ассоциативности, причем последние преобладают: *Цезарь* (лавровый лист – лавровый венок – триумфатор Цезарь), *кубик Рубика* (необычный механизм открывания – можно упражняться в находчивости и логическом мышлении – замена соответствующей по функции игрушки), *опасность* (звук, похожий на тот, что издает хвост гремучей змеи; соответствующая форма – гремучая змея – опасность), *Матрена* (верхняя часть окрашена в красный цвет – голова в красном платке – Матрена), *сарафаница / ярмарка* (форма – предмет одежды; узор – сарафан – традиционная культура – еще один ее атрибут). Необходимо подчеркнуть отсутствие совпадений номинации у разных испытуемых.

Субъекты описываемого типа пользуются недифференцирующей когнитивной стратегией, то есть они склонны воспринимать каждый предмет не единично, а строить классификации, рассматривать объект в контексте окружающей действительности, предлагать своеобразные сценарии взаимосвязей объектов. Можно говорить о создании

оценочных номинаций и их сопоставлении. При этом субъект нередко присваивает имя, исходя из заданной им самим ведущей метафоры: *люди, человек, но хороший, среднестатистический человек, человек необычный, заурядный богатый человек, испорченный человек*. Одним из испытуемых этого типа за основную принята идея водной стихии, которая диктует следующие номинации: *морской еж, сайра, дельфин, рыба, морская звезда, коралл, лодочка, весла*. Другой субъект номинации присваивает номинатам имена только из «близкой» действительности, вписывая их в личную повседневность, в своем роде завершая гештальт: *детский сад, 3 группа* («это мой личный эквивалент общепринятого д/с «Солнышко», это эксклюзив для таких ситуаций»), *от Олиной кофты, мимоза* («все с ней к празднику бегают» – эксперимент проходил в начале марта), *заколка* («у меня есть точно такая же»), *вакцина против гриппа* («нам только что про нее рассказали, думаю, именно так и выглядит») и т. д.

По отношению к миру в целом номинаторы С-типа либо досконально разбираются со сложными случаями, откладывая предметы и возвращаясь к ним опять, либо сразу предлагают несколько вариантов, которые отражают этапы рефлексии испытуемого. Такой подход предполагает формальную и содержательную модификации номинативной единицы, создание релятивных, конкретизирующих номинаций. Преобладают наименования с индивидуализирующей семантикой (гипонимы и названия, конкретизированные с помощью распространителей), неоднократно встречаются имена собственные: *Зевс, Феклуша, Петрушка, Матрена, Цезарь*. Испытуемый старается находить выходы даже в затруднительных случаях, пытаясь не остаться на уровне номинации-«губки». Например: *штучка для придания аромата водке, ненужная штучка, штучка вмерзла в кусок льда, вкусно пахнущая вещь без определенного назначения*. Отметим большое (до пяти) количество предлагаемых вариантов для обозначения одного предмета. Варьирование осуществляется как в плане формы (*шашка / шашечка, паук / паучок, наперсток / пальчик*), так и в плане содержания (*Матрена / пожарник / вертолет / ПК, олимпийский факел / камыши, пудреница / ноутбук / челюсти / жаба, Чебурашка / сарафаница / ярмарка, гробница / мавзолей, солдат / робот*).

Номинатор стремится не прерывать коммуникативный акт во время номинации, а продолжить его, сознательно манифестирует свои размышления о предмете, без дополнительных просьб, поясняя мотивы номинации того или иного объекта. По полученным номинациям видно, какая работа производилась с каждой лексемой, плюс автор «выдает» себя в вербализованных размышлениях: *Зевс* – «в Арх [архитектурный институт] когда заходишь, там какой-то бюст, вот я так подозреваю, что это Зевс <...> не важно, что здесь [на номинируемой пуговице] лев, очень даже они похожи»; *Феклуша* – «все Феклуши такие растрепанные и рыжие <...>, я их вообще-то не видела, но так себе представляю»; *аленький цветочек* – «он, конечно, не маленький совсем, но так как-то сложилось, пусть традиционно».

Хотя в целом случаев проявления оценки мало, все они относятся именно к описываемому типу. Так, один из номинаторов настроен явно отрицательно: *морква дырявая* («морква, нет, она ж совсем дырявая морква, наверное, очень гнилая»), *горькие пряности, кривые ногти* (ср. названия последнего объекта у других номинаторов: *красивый хвост, желтый павлиний хвост* и др.), *прочий мусор, невкусная гвоздика, негуманистический браслет, прогорклые духи, мушинный карцер, старая крыква, старая косметика старой крыквы, чайник старой крыквы* (остальные номинаторы чаще предлагали «эстетизированный» вариант *античная ваза, женский головной убор, шкатулочка* и др.).

Отношение к языку. Исходя из собственно языковых критериев (отношение к языковому стандарту и словообразовательная деятельность), мы можем сказать, что представитель данного макротипа использует преимущественно однословные лексемы, являющиеся субстантивами с конкретной исходной семантикой. В то же время

предлагаются нестандартные для предметной номинации абстрактные существительные: *опасность*, *сюрреализм*, *золотая молодость*. С помощью формальных средств изменяется внешний облик слова, создаются новые слова по продуктивным в разговорной речи моделям: *шнурочник* (ср. *очечник*, *сливочник*); *фруктинка* (ср. *песчанка*, *шфрияка*); *мохнатик* (ср. *рыжик*, *зубастик*), *слезина* (ср. *домины*, *конфетина*), *сарафанища* (ср. *пудренища*, *салатница*). Изменяют морфологические характеристики: *брунька* (< pl. *бруньки*), *горошка* (женский род от *горошек*).

Таким образом, субъект С-типа демонстрирует достаточно индивидуальный подход, способность воспринимать отдельные предметы взаимодействующими в нескольких плоскостях, а также целостно отражать окружение, при этом возникает нетривиальная образность, иногда неприемлемая с точки зрения формальной логики, но полностью мотивированная для автора. Среди испытуемых, относящихся к данному типу, можно встретить тех, кто склонен в номинации демонстрировать положительную либо отрицательную оценку.

Безусловно, рассмотренные нами два противопоставленных друг другу номинативных типа – это наиболее общие модели, которые не могут отразить всей безмерной сложности и разнообразия номинативного поведения человека. Тем не менее, их выделение на данном этапе, развивающемся по пути от анализа практически полученного материала к теоретической типологизации, позволяет гипотетически, по законам комбинаторики выстраивать более гибкие модели и в дальнейшем проверять их на практике.

Литература

1. Гафурова М. Н. К вопросу о типах номинативной личности (экспериментальные наблюдения) // *Linguistica juvenis: Язык и культура*. Вып. 7. Екатеринбург, 2006.
2. Кожин В. В. Сюжет. Фабула. Композиция // *Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении*: В 3 т. Т. 2. М., 1964.
3. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
4. Рубинштейн С. Л. Из научного наследия: Мышление, язык и речь // *Вопросы психологии*. 1979. № 5.

А. Кащеева
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
О.А. Михайлова

КОНЦЕПТ *Екатеринбург* В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

Антропоцентризм современной лингвистики предопределил обращение к анализу отдельных слов не в их языковом, а в лингвокультурном значении. Основной единицей исследования становится концепт.

Целью нашего исследования было выявление тех признаков, которые в совокупности дают лингвокультурное содержание слова *Екатеринбург*. В нашем исследовании нас интересовали части значения концепта *Екатеринбург*, закрепленные в словарных статьях энциклопедических словарей и в газетных статьях, а также те особые фрагменты, отражающие неинвариантные признаки, которые нельзя приписать понятию